

На конкурсе на Мариинский театр архитекторов хотели загнать в клетку. Архитекторы вырвались

культурная политика | АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Валерий Гергиев слышал архитектуру

КоммерсантЪ. 2005. 17 мая. - с. 21.

Торжественное открытие конкурса на новое здание Мариинского театра („Ъ“ от 15 января) едва не закрылось на следующий же день.

Наутро после прочувствованных речей участники собрались на закрытое заседание в Эрмитажном театре. Здесь консультанты коротенько, минут за сорок каждый, должны были объяснить им, чего от них ждут в России. В частности — строгого соблюдения норм пожарной безопасности (консультант — инженер нормативно-технического отдела управления государственной противопожарной службы МЧС Санкт-Петербурга и Ленинградской области). После чего — обед и разъезд участников.

Толком поведать так и не пришлось. Первой удар нанесла член жюри директор международного форума современной архитектуры Кристина Файрайс. Суровая немка спросила, почему это председатель жюри имеет два голоса. А это если го-

лоса разделять поровну, объяснили ей. Тогда госпожа Файрайс спросила, не стоит ли тогда увеличить число членов жюри. Отойти от апостольского числа ради чертовой дюжины. «Или убраться отсюда» — сказал как отрезал известный бунтовщик-шестидесятник, бывший куратор Венецианской биеннале Массимилиано Фуксас. «Кого же мы уберем, кто был введен последним?» — деловито спросил Волф Прикс из знаменитой австрийской архитектурной группы Coop Himmelb(l)au. «Вот вас-то и введем», — отвечал главный архитектор Петербурга Олег Харченко, которому явно не улыбалась перспектива вычеркивать кого-либо из списка, тщательно сбалансированного между всеми обидчивыми мастерами и организациями. В общем, решили лучше добавить.

Русские участники, привыкшие, что не жюри у нас решают, сидели спокойно. И тут иностранцы снова пошли в атаку. Знаменитый японец Арата Исодзакси поднял-

ся и с поклоном спросил, как понимать розданный участникам третий том документации. Тут сказано странное — что все участники категорически обязаны включить в свою работу планировку зала, уже сделанную консультантами-акустиками из приглашенной Мариинкой фирмы ARTEC Consultants Inc. Верно ли он трактует написанное на первой странице must be included, не ошибка ли это перевода? И почему в дополнении к программе написано, что конкурсанты могут иметь любых консультантов, но вот по акустике и планировке зала не имеют права брать никого, кроме той же ARTEC?

«Безумие!» — вскричал Фуксас, — вы не можете мне дать акустическую коробку и сказать: облените ее снаружи всякой красотой, — это против логики архитектуры!» И, закинув за плечо черный шарф, ринулся прочь из зала.

Знаменитый австриец Ханс Холяйин грустно поднялся в первых рядах, тряхнул

передней седой гривой и поинтересовался, что это за конкурс, если все уже решено. Он выразил осторожное сомнение, что уважаемый и профессиональный глава ARTEC Рассел Джонсон сумеет за пару конкурсных месяцев дать консультации 11 группам, раскинутым по всему миру. И добавил, что, по его быстрым предварительным подсчетам, зал предложенной конфигурации: а) неудобен и б) вместит максимум 1600 мест вместо требуемых 2000. На что столь же маститый и видный собой господин Джонсон выкрикнул с места: «I totally disagree with you, Sir!» — что, как вы знаете, по их британским понятиям звучит почти как «не гони, фраер». Представительница француза Доминика Перро, представитель голландца Эрика ван Эгераата и представитель швейцарца Марио Ботта скромно присоединились к мнению предыдущего оратора. Присоединился и Эрик Мосс. Под натиском международной ре-

акции Олег Харченко несколько растерялся и воззвал к маэстро Гергиеву.

Грянул гром, распахнулись двери, опоздавший Валерий Гергиев сбежал к кафедре, разогнал переводчиков и с азартом порусски и по-английски ринулся выяснять, что случилось и чем недоволены. Долго участники конкурса пытались довести до сведения худрука-директора Мариинки суть претензий. Если все сделано — не нужен конкурс, к чему деньги тратить? Если зовут архитектурных звезд, не надо ставить их в бессмысленно жесткие рамки. Не надо навязывать одного-единственного консультанта в лице ARTEC, надо позволить выбрать своего инженера, и пусть, в конце концов, его решения проверяет господин Джонсон как официальный эксперт Мариинки.

За господина Джонсона ответил вице-президент ARTEC черноволосый и чернорылый господин Накашима, до этого скромно сидевший в стороне. Смысл его речи был таков: архитекторы таки must и даже

absolutely must, и он не понимает, что же это тут устроили за базар, раз уже давно все решено с маэстро Гергиевым. Было ясно, что, как самурай, он умрет, но не отступит.

Меж тем маэстро Гергиев искренне пытался разобраться, на чьей стороне больше резоннов. Ход его мыслей можно было понять так. С одной стороны, ARTEC обещает хорошую акустику. Это дело вроде бы верное. А если дать волю архитекторам, что получится? Не опасно ли это? И первым этот ход мыслей увидел восточный мудрец Исодзакси. Поднявшись с места, он простер к Гергиеву руки и спросил, просто так, чтобы понять, что важнее для маэстро — схема или архитектура? Что существеннее лично для него — партитура или музыка? Гергиев задумался. И знаете, что выбрал дирижер? Дирижер выбрал музыку.

Сегодня вечером оргкомитет соберется снова. Уже ясно, что прежняя программа полетела к черту. Еще не ясно, поменяют ли must на should. Но конкурс пока спасен.